

С РАБОЧЕГО СТОЛА УЧЕНОГО

УДК 821.161.1-3
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-44

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.08

А. Ю. Большакова
Москва, Россия

«К САМИМ ВЕЩАМ!». ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ*

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку проникновения в суть современного литературного периода: в его сходство и отличие от классического. Опираясь на классическую традицию в русской литературе и мировой философии, автор статьи стремится выявить уникальность нынешнего литературного периода, усматривая его в возникновении нового «вещества литературы» — феноменологического стиля мышления. В центре авторского внимания — изменение «вещества литературы» в нынешней литературной ситуации, весьма отличной от прежнего ее состояния. Автор доказывает, что изменилось качество литературного письма — и не только в сторону ухудшения, падения художественности. Понять суть этого изменения, вникнуть в сущность вещей, ориентируясь на лучшие литературные образцы современности, — такова задача современного литературоведения, выполнение которой требует новых методологических подходов и соответствующего инструментария. Статья содержит в себе попытку решения этой задачи на примере рассмотрения центральных феноменологических категорий и подходов применительно к литературоведческому анализу. От категории «феномен» автор движется к изучению творческого сознания и отраженных на письме бессознательных процессов, что опровергает недавнюю аксиому материалистической идеологии: литература — лишь отражение социальной реальности, творчество — только зеркало происходящих в ней процессов. В результате феноменологический метод дополняется в системе литературоведения психоаналитическим анализом текста. Рассматривается соотношение разных типов литературного мышления: реализм — постмодернизм — неомодернизм.

Ключевые слова: литературоведение; современная литература; литературные периоды; феномен, литература, феноменологический метод; феноменология; стили мышления; литературные традиции; русская литература; прозаические жанры; психоанализ; литературное мышление.

A. Yu. Bolshakova
Moscow, Russia

«TOWARDS AN ESSENCE OF THINGS!». THE PHENOMENOLOGICAL APPROACH IN THE MODERN LITERARY CRITICISM

Abstract. The article is aimed at outlining the essence of the modern literary process, in its similarity and difference with the classic period of the Russian literature. Referring to the classic tradition in literature and philosophy the author of the article nevertheless makes an attempt to penetrate into the unique nature of the contemporary Russian prose seeing it in a special «substance of literature» — the phenomenological style of literary thinking. Therefore at a center of the author's attention is a change of the «substance of literature» in the contemporary writing as quite different from the previous ones. The author tries to prove a change of the quality of literary writing — and not only as a worse one comparing with the previous periods. The task of the modern literary criticism is to understand an essence of this change outworking proper methods and instruments of a literary analysis. The present article is an attempt to represent such methods and instruments referring to the experience of the phenomenological approach.

Keywords: literary criticism; modern literature; historical periods in literature; phenomenon; literature; phenomenological method of analysis; phenomenology; styles of thinking; literary traditions; Russian literature; prose genres; psychoanalysis; literary thinking.

...Особенность феноменологии в изложении Гуссерля состоит в том, что он пока не столько решает проблемы, сколько ставит их, — и в этом одном уже обнаруживается высокая продуктивность феноменологического метода... Всякое решение проблемы или попытка его, какие могут быть сделаны уже теперь, в свою очередь раскрывают перед нами новый ряд вопросов и требуют новых дальнейших углублений.

Г. Шпет. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы

Понятие «феномен» — хотя еще и в не опре-

флектированном литературоведческой мыслью виде — уже вошло в ее вербальную практику, пусть еще и стихийно, малоосознанно. В последнюю четверть века оно получило распространение в названиях книг, конференций, коллективных трудов в ситуации подведения итогов литературного столетия и выявления знаковых фигур, концептов, направлений нового периода. По сути, само введение термина «феномен» свидетельствует о поиске высокой точки зрения, которая позволила бы рассмотреть предмет в его целостности и самораскрытии, очищенности от случайных связей.

Известная стихийность в развитии этой тенденции во многом связана с неразработанностью

* Статья написана при поддержке РГНФ: грант № 15-34-11045 «Своеобразие и мировое значение русской классической литературы (XIX — первая половина XX столетия). Идеалы, культурно-философский синтез, ре-

цепция». Целевой конкурс «Русская классическая литература в мировом контексте».

феноменологических методов в литературоведении. Нередко заявленный в названии термин (феномен, архетип и т.п.) остается завуалированной «красивостью», хотя и свидетельствует самим своим присутствием о потребности в актуализации скрытых в нем смыслов и возможностей. Увы, как правило, в «феноменологически» озаглавленных трудах дело ограничивается лишь заявкой на привлекательность и бессознательной данью интеллектуальной моде. Ответ на возникающий здесь недоуменный вопрос следует искать в нынешних «Теориях литературы» и «Введениях в литературоведение», из которых напрочь выпадает феноменологическая методология. Как не существующая в литературно-теоретической реальности? Или попросту ей не нужна?¹ Насколько же уместно нынешнее возвращение к феноменологии и не является ли эта школа областью сугубо историко-философского интереса, далекого от нынешних литературных потребностей?

Реальный контраргумент в пользу обозначенного метода — возникновение в прозе современных писателей — В. Галактионовой, Б. Евсеева, Ю. Козлова, В. Личутина, Ю. Полякова, З. Прилепина и др. — принципиально нового качества и имманентного ей стиля: *феноменологического*. Когда-то молодой Достоевский писал: «Я действую Анализом... Гоголь же берет прямо целое» [Достоевский 1985: 118]. Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня: не анализ, не синтез, а стремление схватить Бытие (отдельной личности, народа, страны в целом) в единстве авторской — неизбежно субъективной — интерпретации мира и самого мира как инварианта чувственного восприятия; попытку выразить в самом «веществе литературы»², ее онтологических пластах *феноменальность* народной судьбы, осознание нацией своей русскости...

В основе исследования новой русской прозы, соответственно, должен лежать *феноменологический метод*³, исходящий из стремления высветить самоценность художественного произведения как единственного, неповторимого. В роли *феномена*, таким образом, выступают и само произведение в своей уникальной данности, и структурирующие эту данность концепты⁴, авторские идеалы, что просто обязывает литературоведа и критика не только заклю-

чить в скобки⁵ все то, что в художественном плане сводится к онтологическому нулю, но и соотносить художественную реальность — в качестве возможного модуса бытия — с «затекстовой». Желаемый максимум здесь — раскрытие авторского (и соответственно читательского) «я» как бытия «чистого сознания» (Э. Гуссерль), навечно сохраняющегося в «памяти знака» (Р. Барт).

Предлагаемое (и применяемое в практических исследованиях) автором настоящей статьи понимание феноменологического метода (в литературоведении) несколько отличается от общепринятого. Но именно такой подход, основанный на теоретических разработках не только Гуссерля и Хайдеггера, но и Лосева, В. В. Виноградова, Шпета, Ингардена, Рикёра, Мукаржовского, позволяет примирить гегелевскую феноменологию духа с антигегелевской эстетикой М. Бахтина, исторический феноменологизм Лосева — с экзистенциализмом Мерло-Понти, лингво-поэтический анализ Потебни — с семиологией Барта. Иными словами, в основе моего подхода лежит то, что у Канта представлено королевским вопросом: «Что мы можем знать?» — устремленность к онтологическим началам *превращенного* духа. Последний момент легче раскрыть на конкретном примере.

В. Куницын в статье «Феномен Юрия Полякова» усмотрел новаторство писателя не в художественном своеобразии его миров, а в умении... подстроиться под читательские ожидания: «...Воодушевленный стартовым успехом, как мне кажется, он (т.е. Ю. Поляков. — А. Б.) уже писал сознательно “на публику”, тонко чувствуя своего читателя, догадываясь, чего тот от него ждет, и азартно оправдывая эти ожидания. И здесь вновь встает вопрос о новаторстве. У нас традиционно как-то пренебрежительно и с оглядкой умеют относиться к авторам, умело работающим в контакте с публикой, не стесняющимся рассчитывать заранее свой успех у нее» [Куницын 1994: 498].

Но еще дореволюционная критика, причем самых разных направлений — от славянофилов до западников, — подвергла сокрушительному разгрому эту вульгарно-социологическую теорию своеобразного позитивизма, согласно которой писатель, завися от эстетических, политических и прочих пристрастий публики, выполняет ее социальный заказ и потому добивается у нее успеха. Может, выше процитированное и справедливо в отношении Марининой или Акунина, но оно никак не объясняет феномена вечности подлинно художественных произведений. Как убедительно доказали Яусс и Изер, подлинное художественное произведение, будучи воплощением интенционального сознания автора, не пассивно отражает действительность, а агрессивно вторгается в нее и, вторгаясь, не только деформирует эстетический опыт читателя, но и присваивает его себе. Вот почему в исследовании литературного письма должно ставить целью не только и не столько раскрытие авторского «я» как бытия «чистого сознания» (Гуссерль), но раскрытие авторско-читательского «я» как (очищенного от случайных связей) бытия определенного

¹ До некоторой степени исключение составляют статьи Е. Цургановой в энциклопедиях ИНИОН РАН, хотя они носят информационный характер и не рассчитаны на теоретико-методологическое расширение [Цурганова 1996: 283–187; Цурганова 2001: 1137–1139].

² Термин Л. Карасева. См. его книгу «Вещество литературы», посвященную новому прочтению русской литературы XIX в. как «незнакомой классики» [Карасев 2002].

³ Метод этот уже применен мною в книгах авторской серии «Феноменология литературного письма» о современной русской прозе.

⁴ К примеру, в творчестве Личутина это такие извечные концепты национальной судьбы, как *Раскол* (см. исторический роман «Раскол») или *Скитальчество*, *Странничество* (романы «Скитальцы» и «Беглец из рая»), соотносимые с мировой мифологемой «рай утраченный — рай обретенный».

⁵ Имеется в виду феноменологическая редукция.

исторического периода.

Вопрос об историзме, кстати, вовсе не принадлежит к разряду мнимостей феноменологии, при всем ее тяготении к «чистым сущностям», «чистому сознанию». В утверждении этого я руководствуюсь принципами и положениями А. Ф. Лосева — его методом «*феноменологического историзма*», направленным на преодоление ««шорного» мышления, тяготеющего к подчас неоправданно строгим разделениям на партии и кланы»¹: на всестороннее и непредвзятое рассмотрение предмета (т.е. «любого культурного события — от одной книги и до эпохи, представленного целой плеядой громадных имен») в его целостности и исторической уникальности, «не обезличивая его», но рассматривая «как явление феноменальное, то есть обладающее своими, только ему присущими чертами, собственным изнутри идущим значением» [Кравец 1988: 152, 150].

Таким образом, феноменологический историзм в литературоведении (в отличие от историзма вульгарно-материалистического) не отменяет, но упрочивает принцип пересмотра тех распространенных, но вовсе не соответствующих реальному положению вещей, установок сознания, которые на поверку лишь мешают его познанию, навязывая шаблоны и догмы. Установка, особенно важная в эпоху слома прежней системы мировоззрения, проверки реальности реальностью. Все это подводит нас к базовому феноменологическому положению, которое можно обозначить известной максимой: «**К самим вещам!**»².

Гуссерлевская установка на приоритет и даже единственность сознания как объекта феноменологического исследования — в отличие от «темной» сферы бессознательного — может быть подвергнута сомнению, исходя из самой установки Гуссерля и его последователей. Ведь «в безмолвии изначально-го сознания взору является не только то, что значат слова, но и то, что значат вещи, ядро изначально-го значения, вокруг которого организуются акты обозначения и выражения» [Мерло-Понти 1999: 15].

Очевидно, именно здесь — в этом движении к

¹ Установка эта особенно актуальна для преодоления заблуждений нынешней критики, услужливо поделившей современный литературный процесс на «зоны» цехового влияния, корпоративных интересов и нередко использующей разговор о литературе для сведения клановых счетов, а критический разбор — для утверждения взглядов той или иной политической партии.

² Под *вещью* в феноменологии понимается некое духовно-материальное единство. Шпетовское резкое разделение «предмета» и «вещи» как «идеального» и «реального» [Шпет 1989: 394–395], думается, — дань эмпиризму. Феноменологическая «вещь» не есть вещь в обычном смысле слова, но более обобщенная, самораскрывающаяся часть жизненного мира. «Мир есть совокупность вещей, локально [«örtlich»] распределенных в мировой форме пространство-времени в двояком смысле (по месту в пространстве и времени), совокупность пространственно-временных «онта». Тем самым здесь будто бы может лежать задача онтологии жизненного мира, понимаемой как конкретно всеобщее учение о сущности этих «онта»» [Гуссерль 2004: 193]. Поэтому и раскрытие сущности вещи есть движение «к самим вещам», входящее в общую парадигму онтологического преображения духа.

самораскрывающимся сущностям — и есть точка пересечения реального и идеального, стирающая и резкость шпетовского разграничения «вещей» и «предметов».

В литературоведении подобное возвращение «к самим вещам», «возвращение к феноменам», к «изначальной данности» (Гуссерль) предполагает и сопротивление «подтягиванию» литературного дискурса до официально культивируемых моделей восприятия и интерпретации, т.е. затемнения собственно предмета «литературы-как-есть», говоря по Хайдеггеровски. С другой стороны, литература и литературоведение обнаруживают именно здесь свою феноменологическую состоятельность: в поисках первичного модуса бытия, исходных состояний сознания — трансцендентального, «по ту сторону» сна и яви, реальности и галлюцинаций, фантазий. Глубинное погружение во внутренний мир человека обнаруживает «действительную данность самих вещей»; вещи и их положения предстают «как они сами» [Гуссерль 1998: 67, 66]. Объектом литературного (и, опосредствованно, литературоведческого) постижения становятся (зафиксированные на письме) *переживания*³ (людей в реальности — автора, героев и читателя в произведении). Если, согласно Сартру, наши переживания и есть способы прорыва «к самим вещам» [Сартр 1999: 152], то и литературное письмо представляет собой поток переживаний, пропущенный изначально через сознание автора и его героев, а затем актуализируемый в восприятии читателя, который словно плывет вместе с этим потоком, то погружаясь в него, то выбираясь на «твердую» почву собственных биографических смыслов, воспоминаний, фантазий...

Феноменологический метод в литературоведении, таким образом, направлен прежде всего на изучение творческого сознания (и отраженных на письме бессознательных процессов, добавим мы), что опровергает недавнюю аксиому материалистической идеологии: литература — лишь отражение социальной реальности, творчество — только зеркало происходящих в ней процессов. Невольно приходит на ум один из хрестоматийных образцов такого мышления, задавший тон на целое литературное столетие — ленинскую статью «Лев Толстой как зеркало русской революции».

Каковы же возможные пути феноменологического движения «к самим вещам» в литературной практике?

В первую очередь, как и в феноменологическом исследовании вообще, такое движение предполагает применение метода редукции, т.е. заключения «в скобки» всего сомнительного, лишнего, необязательного, эмпирического. Конечно, стихийная (на бессознательном уровне) редукция осуществляется уже самим автором-писателем, в творческом процессе которого происходит отбор, отсеивание одних данностей в пользу других. Тем не менее, задачи литературоведа не существовало бы вовсе, если бы она сводилась к вторичному комментирова-

³ Переживание — фундаментальная категория феноменологии, входящая в парадигму «эйдос — переживание — вещь».

нию этого отбора. Работа с (авторскими) переживаниями — воспоминаниями, фантазиями, ожиданиями, желанием, воспроизведенными литературным письмом — ведется через обнаружение ментальных доминант, «пучков» переживаний, составляющих те или иные рецептивные центры и направляющих читательское восприятие в ту или иную сторону. Редукции (вынесению «в скобки») подвергается все менее значительное, мнимое, мешающее на пути к основной *идее* (идеалу) произведения, которая и явна только на стадии чистого сознания. Происходит выделение сущностей (идей, идеалов, проблем, тем, пафоса) на основе поля переживаний, которые соотносимы с «чистыми смысловыми структурами».

Уникальность литературного моделирования мира читателем-сотворцом состоит в реорганизации его на основе изначальной (писательской) редукции, зафиксированной на письме. Если автору было важно *сказать о своем главном*, и в этом был смысл его редукции, «очищения» эмпирического материала, то для литературоведа важна не только аналитическая реконструкция этого процесса для выявления авторских интенций, но и редукция собственно литературного материала, его переструктурирование, исходя из контекста (философского, исторического, культурного). Одна из важнейших линий здесь — *эстетическая*: заключение «в скобки» всего менее важного, исходя из (обнаруженной в результате анализа) *эстетической доминанты*. Конечная цель здесь — высветление *эстетического идеала* сущностного предмета литературного сознания. Идеал корреспондирует или вступает в противоборство с феноменами, концептами, которые в произведении могут указывать на него прямо или от противного, совпадать или нет. Потому в эстетическом плане редукция может быть длительной, многоступенчатой.

В результате происходит «высвобождение сознания и предметного мира из причинных и функциональных связей между ними... Тем самым чистое сознание как чистое смыслообразование (интенциональность) *отъединяется* от основывающихся на этих связях мифологических, научных, идеологических и повседневно-обыденных установок и схем. Движение к предметам — это *воссоздание непосредственно смыслового поля*, поля значений между сознанием и предметами» [Молчанов 1991: 318].

В литературоведческом анализе тем самым (эстетический) предмет (вещь) освобождается от связей, существующих в реальности, для выявления его «чистой», идеальной сущности: устраняется «прослойка» нормированных официальной идеологией категорий, понятий, мировоззренческих установок и ценностей, т.е. фильтров, через которые протекает поток «нормированного» сознания в реальности. Такое «искажение» навязываемых сверху норм, «сдвиг», «кривизна» в современном литературном письме может быть определен как *неомодернизм* — особый тип (литературного) мышления, в корне отличный от вторичного стиля, постмодернизма.

Однако есть еще один — наверное, главный — аспект (или скорее цель) феноменологической редукции, подвигающей наше сознание к поиску *первично-*

го, изначального модуса бытия, первофеноменов, «чистой сознательности» (Гуссерль). Такая умонаправленность, обращая нас к *архетипическим* подосновам литературного письма, заостряет еще не решенный (если не сказать — отвергнутый) феноменологией вопрос о роли и значении бессознательного¹. В самом деле, движение — точнее, возвращение — «к самим вещам!» через редукцию есть высвобождение первооснов бытия через «методичное устранение того, чем нечто скрыто» [Хайдеггер 1998: 92–93], «прореживание бытия», первооткрытие некоей «поляны среди бытия... где сущее может познаваться как разведанное, познаваться в своей несокрытости», где «сущее выходит в конкретность своего существования, в свое “здесь”» [Гадамер 1993: 129].

Возникающая таким образом «позитивная возможность наизначальнейшего познания» [Рикёр 1995: 155] открывает архетипические — т.е. таящиеся в еще неотрефлексированном, довербальном бессознательном — глубины феноменологического познания. Наиболее отчетливо противодействие гуссерлевой самопротиворечивости — между установкой на изначальность и заключением бессознательного «в скобки» — оказал П. Рикёр, заявив о необходимости переосмысления феноменологии с точки зрения диалектики сознания и бессознательного. По Рикёру, «недопонимание феноменологии» относит нас к «проблемам, поставленным бессознательным», и «к рефлексивному непониманию бессознательного». Говоря о «кризисе понятия сознание», ученый утверждает, что «феноменология нуждается в бессознательном. Сознание... столь же темно, что и бессознательное», которое однако сопряжено с изначальными основами человеческого бытия. «Исходя только из этого недопонимания феноменологии, можно увидеть вопросы, которые вновь становятся феноменологическими: каким образом я должен переосмыслить и переосновать понятие сознания, чтобы бессознательное могло стать его “другим”, чтобы оно стало способным на это “другое”, которое мы называем бессознательным?» [Рикёр 1995: 166, 366, 153].

Все сказанное ведет к углублению феноменологического исследования, переосмыслению его методов с психоаналитической точки зрения. Возникающий здесь вопрос «зачем?» обретает свой ответ, к примеру, в русском неомодернизме рубежа XX–XXI вв., где углубление психологизма сопутствует философии сомнения, предполагающей «очищающее исключение всего данного неадекватно» (Гуссерль) [Мотрошилова 2003: 251]. Эта философская *неудовлетворенность современностью* и вызвала, скажем, в нынешней русской прозе смещение реальных черт эмпирической действительности, ее замещение (подчас) сугубо феноменологическим дискурсом, где «чистые» сущности, символы, ступки переживаний обретают особую активность и доминантность. Возвращение — через неомодернистское «очищение» вещей от случайностей и хаоса

¹ Как известно еще из теории архетипов Юнга, базовой основой их (за)рождения является (коллективное) бессознательное человечества.

распавшейся реальности — к изначальности имеет конституирующее значение и ведет, в своем пределе, к *обретению нового уровня мировосприятия*.

Феноменологическая мысль России в XX в. дала свои основания для психологического расширения, актуализированного — в атмосфере кризисного сознания — современной русской прозой. Еще С. Трубецкой обратился к феномену «предшествующей памяти», обозначив *забвение* как «первоначальную форму» памяти, а функцию *узнавания* (непосредственно относящую нас к архетипам, этим фигурам узнавания, добавлю я) как «начало познания» [Трубецкой 1998: 77]. Сходным образом Г. Шпет в «Эстетических фрагментах» утверждал архетипическую подоснову феноменологического воссоздания мира в творчестве по прапамяти, воспоминанию. «Творчество — подражание... по воспоминанию... Поэтому подражание никогда не есть копирование. Воспоминания не было бы, если бы не было забывания. Забывание (т.е. вытеснение ментальных образов в сферу бессознательного как их своеобразного хранилища. — А. Б.) — кнут творчества, оно вздымает на дыбы фантазию» [Шпет 1989: 360].

Феномены

Поиск «чистого первоначала», онтологических основ превращенного духа и приводит к выделению первоэлементов: феноменологических концептов, или просто *феноменов* — сущностных мыслеобразов, подтверждающих базовое хайдеггеровское положение: «Онтология возможна лишь как феноменология» [Хайдеггер 1957: 35], дающая «обоснование действительности идеального, его независимости от существующего». Таким образом, эмпирическому миру противопоставляется «чистое сознание, или идеальное бытие, которое включает в себе неисчерпаемое интенциональное многообразие возможных смыслов, значений, истин, мыслимых возможностей. Это — поток идеальных сущностей, которые Гуссерль называет феноменами» [Ойзерманн 1999: 176, 173]. Действительно, «всякое психическое переживание выступает феноменом» [Канке 2000: 17]. По Рикёру, феномены — это «единицы значения, исходящие из интенциональной жизни» [Рикёр 1995: 12]. И здесь важно отметить три момента: идеальность феномена, его интенциональность и способность к самораскрытию. Начнем с последнего.

Обозначая изначальный смысл слова «феномен», Хайдеггер подчеркивает: «это то, что показывает себя само... что греки также просто отождествляли... с сущим. Сущее же может показать себя в том, что оно есть, из себя самого, различным образом, в зависимости от подхода к нему». Следовательно, «слово “феномен” означает само сущее, открытое как само по себе оно; видимость же означает лишь само-показывание как кажимость. Поэтому “феномен” означает то, каким образом нам встречается сущее само по себе, как оно показывает само себя» [Хайдеггер 1998: 88]. Исходя из этого, феноменология представляет возможности читать язык бытия, природы (вещей) в мире, который обращается к человеку со своим словом. Феноменологическое самораскрытие обозначивает контуры «бытия здешности», определяет «раскрытость бытия в ми-

ре». Феномены выступают как (про)явление здесьбытия¹ в «повседневном совместном бытии», предполагая «раскрытость обыденного здесьбытия» [Хайдеггер 1993: 23].

В литературе феноменологическое самораскрытие мира происходит через писательское сознание, а затем — через рефлексию профессионального читателя. Роль литературоведения тут особенно важна. Ведь его работа с текстом и тем, что за ним стоит, сводится к обнаружению реально существующих, «неких исходных и далее нередуцируемых *единиц сознания (в виде представлений или понятий)*, к которым как к основаниям нашего познания возможно в идеале свести весь наличный состав человеческого знания». Исходя из этих положений отечественной философии, можно представить феномены как единицы коллективного сознания (и сопряженного с ним бессознательного, добавлю я): того «общества умов», которое и образует «соборное сознание» нации, состоящее из вещей, заключающих в себе некий универсальный элемент [Трубецкой 1998: 63, 74, 65]².

Идеальность феномена как ментального первоэлемента — что и показывает литературное творчество, воссоздающее «параллельные» эмпирическим миры, данности, дискурсы, — делает его альтернативой реальной вещи в переживаемом сознании. (Само)раскрытие литературного текста в процессе чтения представляет его как «самодостаточное и самоценное произведение». И в этом — суть феноменологического анализа, рассматривающего литературное письмо как самоценный поток (эстетических) переживаний, состоящий из отдельных феноменов (ментальных единиц) — т.е. (здесь) базовых концептов, категорий и понятий авторского мышления, образов, символов, переживаний, желаний, фантазий.

Однако усмотрение сущности на основе данностей сознания предполагает тут, при всей ее (т.е. «чистой» сущности) идеальности не полную оторванность (идеальности) от вещи, предмета, но *интенциональную* направленность на нее. Говоря феноменологическим языком, это всегда «сознание о...» (чем-либо), направленное на предмет, его переживающее, рефлектирующее о нем. И литература — в ее отражательной функции и, одновременно, способности воссоздавать альтернативный реальности мир — в высшей степени интенциональна. Это всегда «речь о...», «размышление о...». Это живое свидетельство того, что «сознание проявляет себя как направленность на предмет (это и есть значение), как бытие осознанности, но не как осознанная предметность» [Молчанов 1991: 320, 319].

Однако необходимо сделать феноменологиче-

¹ Хайдеггеровский термин (Dasein), т.е. существование, человеческое сущее, бытие человека. Здесь и далее употребление термина без дефиса используется (с опорой на положения А. В. Михайлова) для обозначения онтологической нераздельности, слиянности человека и бытия в едином темпоральном самораскрытии.

² Обратим здесь внимание на сочетание единичности и универсальности, т.е. частного и общего, собственно, и отвечающее природе феномена как сущности с высокой концентрацией ментальной энергии.

ское разграничение. В философской системе Гуссерля феномен — «единица» сознания (переживание), сделанная предметом «чистого усмотрения» как «абсолютная данность». Для понимания литературного дискурса важно положение Гуссерля об «общественных феноменах, которые обозначены несколько туманными названиями: “восприятие”, “образные представления”, “воспоминания”, “внимание”, “образное сознание”, “сознание времени”» и др. В этом плане литературное произведение есть объективированная (в тексте, слове) субъектность человеческих переживаний, интенциональный горизонт которых задает направленность автора на читателя и актуализирует схватывающие функции его восприятия. В литературе — через авторскую (а затем читательскую) творческую редукцию — актуализируется феноменологический принцип *ego cogito* (я мыслю), включающий в себя «мыслительное переживание», т.е. особый тип переживания сознания. Свою особую природу в (теоретико-)литературном плане раскрывает и феномен, который включает в себя и (культурное) бессознательное как базовую основу.

Один из возможных примеров здесь — «гамлетизм» в русской литературе. Возникая из культурной памяти и обуславливая особый тип героя (ср.: «Гамлет Щигровского уезда» Тургенева), эта линия литературного развития восходит к вечному образу: к шекспировскому Гамлету и гамлетизму как особому типу мыслительного переживания.

Таким образом, (теоретико-)литературное понимание феномена отличается от философского — в частности, от гуссерлевского положения о «бодрствующем» (*wachen*) сознании, противостоящего бессознательному: «...Противоположная линия — сознание “спящее”, или бессознательное — его не интересует и просто выпадает из поля зрения феноменологии» [Мотрошилова 2003: 343–344, 39, 228, 351].

Феноменологический стиль современной литературы можно обозначить на следующих примерах. У Ю. Полякова, в особенности в повести «Апофегей» о перестроечном периоде и романе «Замыслил я побег...», семейной саге 70–90-х, зафиксированы два феномена в национальном менталитете переходного периода — «апофегизм» (авторский неологизм, предполагающий наплевательское, циничное отношение к окружающему) и «эскейпизм» (т.е. ментальное поведение, состояние бегства от действительности, долга, обязанностей, уход от реальности), а также соответствующие типы (анти)героев («апофегист» и «эскейпер»). В прозе Б. Евсеева «чистые» сущности самораскрываются в образах-символах зооморфного кода: это белый сокол России, парящий на огромной, умопостигаемой высоте над древним миром; это символизирующее жизнотворные силы жизни и огонь страстей существо в рассказе «Баран», несущееся по пустынной ночной Москве в ситуации борьбы жизни со смертью. Сворачивающиеся, раскрывающиеся оболочки внешнего, обиденного — через авторскую и читательскую актуализацию «чистых» смыслов — обнажают онтологическую суть вещей в нынешнем разъятом, «освобожденном» самой историей от «случайных» связей мире России на рубеже XX–XXI вв.

* * *

Настоящая работа не претендует на окончательность — скорее это лишь некие теоретико-литературные «примерки» общих феноменологических подходов. К тому же за пределами ее остались такие перспективные направления, как соотношение привычной для литературоведения категории «художественный мир» и феноменологической категории *Lebenswelt* (жизненный мир); категории «образ» в литературоведении и феноменологии (парадигма «образ — сущее — мир — система»); вопрос о репрезентации авторского «я» в литературном произведении; феноменология рецептивного опыта; темпоральная реальность (автора, читателя) и выбор временной ориентации; «чистые» сущности, идеальность и потенциалность в литературе и т.д.

Кому-то такой курс на пересмотр категориального аппарата покажется неуместным усложнением или вовсе покушением на литературность как таковую. Возражу: мы должны учитывать изменение «вещества литературы» в нынешней литературной ситуации, весьма отличной от прежнего состояния. Изменилось качество литературного письма — и не только в сторону ухудшения, падения художественности, как принято теперь сетовать. Понять суть этого изменения, вникнуть в сущность вещей, ориентируясь на лучшие литературные образцы современности, — вот, на мой взгляд, задача современного литературоведения, выполнение которой требует новых методологических подходов и соответствующего инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

- Гадамер Г. Введение к «Истоку художественного творения» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М., 1993.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентная феноменология. Введение в феноменологическую философию. — СПб., 2004.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. — СПб., 1998.
- Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л., 1985. — Т. 28. — Кн. 1.
- Канке В. Основные философские направления и концепции науки: Итоги XX столетия. — М., 2000.
- Карасев Л. Вещество литературы. — М., 2002.
- Кравец С. А. Ф. Лосев: Диалектика. Феноменология. Миф // Литературная учеба. — 1988. — № 1.
- Куницын В. Феномен Юрия Полякова // Поляков Ю. Избранное: в 2 т. — СПб — М., 1994. — Т. I. [Послесловие].
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999.
- Молчанов В. Феноменология // Современная западная философия. — М., 1991.
- Мотрошилова Н. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. — М., 2003.
- Ойзерман Т. Философия как история философии. — СПб., 1999.
- Рикёр. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. — М., 1995.
- Сартр Ж.-П. О философии Гуссерля // Академические тетради. — 1999. — № 6.
- Трубецкой С. «О природе человеческого сознания». Внутренний анализ сознания // Антология феноменологической философии в России. — М., 1998.
- Хайдеггер М. Прологомены. К истории понятия времени. — Томск, 1998.
- Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. —

М., 1993.

Цурганова Е. Феноменология // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник / под ред. И. П. Ильина и Е. А. Цургановой. — М., 1996. — С. 283–187.

Цурганова Е. Феноменология // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — М., 2001. — С. 1137–1139.

Шнем Г. Эстетические фрагменты // Соч. — М., 1989.

Heidegger M. Sein und Zeit. — Tübingen, 1957.

REFERENCES

Gadamer G. Vvedenie k «Istoku khudozhestvennogo tvoreniya» // Khaydegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let. — М., 1993.

Gusserl' E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendentnaya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu. — SPb., 2004.

Gusserl' E. Kartezianskie razmyshleniya. — SPb., 1998.

Dostoevskiy F. Poln. sobr. soch.: v 30 t. — L., 1985. — Т. 28. — Кн. 1.

Kanke V. Osnovnye filosofskie napravleniya i kontseptsii nauki: Itogi KhKh stoletiya. — М., 2000.

Karasev L. Veshchestvo literatury. — М., 2002.

Kravets S. A. F. Losev: Dialektika. Fenomenologiya. Mif // Literaturnaya ucheba. — 1988. — № 1.

Kunitsyn V. Fenomen Yuriya Polyakova // Polyakov Yu. Izbrannoe: v 2 t. — SPb — М., 1994. — Т. I. [Posleslovie].

Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. — SPb., 1999.

Molchanov V. Fenomenologiya // Sovremennaya zapadnaya filosofiya. — М., 1991.

Motroshilova N. «Idei I» Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu. — М., 2003.

Oyzerman T. Filosofiya kak istoriya filosofii. — SPb., 1999.

Riker. Konflikt interpretatsiy: Ocherki o germe-nevtike. — М., 1995.

Sartr Zh.-P. O filosofii Gusserlya // Akademicheskie tetradi. — 1999. — № 6.

Trubetskoy S. «O prirode chelovecheskogo soznaniya». Vnutrennyy analiz soznaniya // Antologiya fenomenologicheskoy filosofii v Rossii. — М., 1998.

Khaydegger M. Prolegomeny. K istorii ponyatiya vremeni. — Tomsk, 1998.

Khaydegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let. — М., 1993.

Tsurganova E. Fenomenologiya // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie: Entsiklopedicheskiy spravochnik / pod red. I. P. Il'ina i E. A. Tsurganovoy. — М., 1996. — С. 283–187.

Tsurganova E. Fenomenologiya // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatij / pod red. A. N. Nikolyukina. — М., 2001. — С. 1137–1139.

Shpet G. Esteticheskie fragmenty // Soch. — М., 1989.

Heidegger M. Sein und Zeit. — Tübingen, 1957.

Данные об авторе

Алла Юрьевна Большакова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук (ИМЛИ РАН) (Москва).

Адрес: Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: allabolshakova@mail.ru.

About the author

Alla Yurievna Bolshakova is a Doctor of Philology, Leading researcher of The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow).